

Т. Б. ДИАНОВА
(Москва)

Рецензия¹ на: Королькова И. В. Лирические песни в традиционной культуре Северо-Запада России. М.: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2010. — 360 с.

Государственный республиканский центр русского фольклора, продолжая серию изданий, совмещающих исследования фольклорных жанров с публикацией полевых материалов, выпустил монографию И. В. Корольковой, в которой представлена целостная концепция комплексной интерпретации жанровой специфики и стилового своеобразия лирических песен женской певческой традиции на Северо-Западе России. Эта работа заслуживает особого внимания фольклористического сообщества не только в силу оригинальности концепции автора и удачной реализации комплексного подхода к исследованию фольклора, но и по причине того, что она знаменует собой новый этап в осмыслении целого ряда фундаментальных проблем, издавна стоящих перед исследователями народной лирики: генезиса необрядовых песен, их функций, жанрового своеобразия и региональных особенностей. Нельзя не отметить, что исследование ярко представляет одно из современных отечественных направлений в этномузыкологии: школу, сложившуюся в Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова под руководством А. М. Мехнецова и оформленную в настоящее время в структуре успешно действующего Фольклорно-этнографического центра его име-

ни. Большинство принципиальных положений автора (о природе категории лирического в народной культуре, историко-стилевой классификации лирики, ее структурно-функциональной типологии, основных подходах к пониманию фольклорно-этнографического текста как в теории, так и в части полевых методик, выявления «песенных типов», принципов систематики местных песенных традиций) основывается на фундаменте позиций, выработанных в рамках названного направления и представленного в целом ряде коллективных сборников и монографических публикаций². В то же время автором творчески использованы и иные современные искусствоведческие, фольклористические, этнографические, диалектологические и исторические концепции, в совокупности успешно «работающие» на основную идею книги, что делает ее безусловно интересной специалистам разных направлений.

Характеризуя работу в целом, прежде всего стоит высоко оценить масштабность задач, поставленных И. В. Корольковой как в части охвата территории описываемой традиции (более пятидесяти районов пяти областей Северо-Запада России: Псковской, Тверской, Новгородской, Ленинградской и частично Вологодской), столь же богатой, сколь и неоднородной, так и по разнообразию исследовательских направлений. Это и собственно синхронный уровень описания, характеризующий ареальное распространение песенных традиций, функционирование песен в контексте обрядовых и бытовых действий, и диахронный, позволяющий судить о генетических истоках относительно поздних по происхождению форм народной музыкальной культуры, их связях с предшествующими историко-культурными феноменами и направлениях их дальнейшей эволюции.

² См. [Лобкова 2000; Мехнецова 2009; Кулева 2008].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, исследовательский проект №10-04-00192 «Русская необрядовая песня: текст и жанр в поле традиционной культуры».

Первая часть работы «Системно-типологическое исследование лирических песен Северо-Запада России» состоит из четырех глав, в каждой из которых последовательно раскрываются особенности функционирования, содержания, музыкального стиля и локально-региональной специфики произведений женской песенной традиции³. Выбор в качестве основного объекта исследования этой жанровой области обусловлен тем, что в рамках северо-западного историко-культурного региона (выделяемого на основании историко-этнографических, этнолингвистических и диалектных данных) песни женской традиции «составляют основу репертуара хранителей местных музыкальных традиций» (с. 18) и принадлежат относительно раннему историческому слою фольклора. Этот выбор тем более интересен и ценен, что песни «женской» тематики менее исследованы в отечественной науке, чем иные циклы.

В первых двух главах основное внимание автора уделено исследованию характера связей песенного текста и контекста их исполнения, обусловившего основные функции, содержание, образное наполнение и композиционную структуру поэтических текстов песен. Особенности функционирования необрядовых песен женской традиции на Северо-Западе России позволяют констатировать «для целого ряда местных традиций <...> явление четкой приуроченности фольклорных текстов к определенным обстоятельствам исполнения» (с. 22), среди которых И. В. Королькова выделяет «закрепленность за определенными обрядовыми ситуациями календарно-земледельческого цикла; бытование в системе свадебного ритуала; включенность в ситуации народного праздника и традиционного быта» (с. 22). При этом подобный обрядовый детерминизм не рассматривается автором исследования как «вторичный» или «формальный», являющийся результатом позднего вытеснения необрядовыми песнями более ранних форм. Напротив, ею отмечается

строгая регламентация «женских песен» в календарных ритуалах — приуроченность к полисемантическим комплексам Святки и Масленицы в зимнее время в связи с актуализацией в них брачной (зазывание парней на вечерку) и аграрной семантики (долгие песни поются «на долгий лен») и усилением значимости уличного пения в летний период как своеобразного «знака сезона», нередко являющегося единственным самодостаточным элементом обряда, выраженным в песенном акте. Содержание календарно приуроченных песен разнообразно и не всегда прямо соотносимо со структурой и семантикой ритуалов. В свадебном обряде на Северо-Западе России песни ранней традиции звучат преимущественно в довенечный период, маркируя «ситуации перехода девушки-невесты в новое состояние» (с. 26). Ведущий мотив этих песен — расставание с волей и красотой, а их поэтическое содержание тесно связано с конкретными эпизодами свадебного действия. На свадебную обрядность И. В. Королькова указывает как на один из основных источников формирования поэтики лирических песен, что вполне согласуется с существующими концепциями генезиса лирики.

Еще одним источником песен женской традиции автор монографии признает комплекс представлений, восходящий к культу предков, рассматривая исполнение песен в рамках коммуникации между миром живых и миром умерших как наиболее глубинной основы оппозиции «свое»/«чужое», свойственной традиционной культуре. На основании анализа сведений о временной (суточной) и локальной (пространственной) приуроченности исполнения необрядовых песен, исследователь отмечает особое значение для них вечернего времени и объектов, семантика которых связана с границей между «своим» и «чужим» мирами (улица, конец деревни, гора, лес, поле, жальник и т. п.). Примечательно, что образы «пограничного» времени (заря, закат) и пространства (гора, река, дорога) входят и в арсенал поэтической символики исследуемых песенных текстов. Акустические условия исполнения уличных песен требовали наличия своеобразных отзвуков (гулов, отголосков), создающих эффект диалога, установления контакта между «своим» и «чужим» мирами. На первый взгляд, выводы автора в этой части можно расценить как некоторое преуве-

³ В концепции А. М. Мехнецова в основе выделения песен женской традиции лежит историко-стилевой принцип классификации, в соответствии с которым к данной жанровой области относится слой ранней (так называемой «девятой») лирики с ее более поздними производными лирического и отчасти лиро-эпического характера (впервые см. [Мехнецов 1983—1984]).

личение и неоправданную архаизацию, если бы не ряд оговорок. Функция осуществления коммуникации между миром живых и миром умерших свидетельствует, по мнению И. В. Корольковой, о генетической глубине этого жанра, восходящего во многом к плачевой культуре и ранним формам интонирования в форме жалоб и окликаний (кличей, уканий, лелёканий), при дальнейшей трансформации объектно-субъектной структуры и безусловном усложнении содержания песен (с. 38).

Крайне интересен опыт интерпретации семантики песен женской традиции, предпринятый автором во втором разделе книги, озаглавленном «Содержание, образы, сюжетные мотивы», через попытку построения структурно-семантической модели, обобщающей основные элементы их содержания и поэтики. И. В. Королькова в поисках адекватной материалу методологии пытается избежать узко-тематической классификации или выделения песенных циклов, не пытается оперировать термином «сюжет», ограничивающим возможности анализа в пределах группы близких вариантов. Применительно к так называемым «бессюжетным» песням (к которым относятся в основном рассматриваемые тексты) в отечественной фольклористике принято либо говорить о наличии «сюжетной ситуации» — статичного, неразвивающегося мотива, на фоне которого «движение» песни реализуется через высказывания или «внутреннюю речь» персонажей (так, например, у Н. И. Кравцова, С. Г. Лазутина и Л. А. Астафьевой-Скалбергс), либо о строении их текста по принципу соположенности ряда формул, которые не образуют связного сюжета, но на уровне «глубинной композиции» связаны единством лирического универсума (так у Г. И. Мальцева⁴). Учитывая то, что героиней песни «может быть незамужняя девушка, осмысляющая свое предстоящее замужество; просватанная девушка, находящаяся на пути между «своим» и «чужим» мирами; молодуха, пребывающая на чужой стороне (с. 46), что совпадает и с основным составом исполнительниц, И. В. Королькова делает вывод, что всё многообразие содержания песен может быть сведено к различным вариантам

воплощения двух сюжетных тем. Они дифференцируются в связи со статусом и «местоположением» героини, от лица которой ведется повествование. Первая тема, условно названная автором «свадебной», предполагает раскрытие изменения состояний героини песни с соответствием с логикой свадебного сценария, содержит характерные мотивы и образы — воли (основного символа добрачного периода, в частности в формуле вольного гуляния девушек), ожидания брака и просватания, прощания с девичеством, противопоставления девичества и замужества. Вторая тема — жизнь женщины в замужестве — последовательно раскрывает образ чужой стороны через серию мотивов: взаимоотношения с новой семьей, противопоставление девичьей и бабьей жизни, тоска по дому, невозможность возвращения. Ценным представляется замечание автора о том, что «в текстах лирических песен мы можем наблюдать не столько последовательное изложение сюжетной коллизии, сколько типизацию эмоциональной реакции на происходящее» (с. 55). Именно это, в частности, является еще одним основанием для прямых интертекстуальных взаимодействий причитаний и лирических песен. Уход от непосредственной повествовательности, сюжетности и «однозначности» изображаемого достигается в необрядовой лирике созданием «второго плана», особой символической глубины, когда за одним пространственным, временным или предметным символом последовательно вскрывается несколько значений, относящихся как к реальности, так и к конкретике ритуала или к системе архаических представлений. И. В. Королькова это убедительно демонстрирует на примере формул пути-дороги, избывания горя в реке, подачи голоса на родную сторону, обращения в птицу и др. Вторая глава во многом носит концептуальный, хотя и несколько проективный характер; думается, что многие положения, высказанные автором вскользь или представленные в форме таблиц, вполне достойны того, чтобы быть развернутыми и мотивированными более обстоятельно. Тем не менее, обобщение типического содержания и поэтических средств песен в рамках структурно-семантической модели позволяет обосновать объединение разнородных и различных по времени происхождения произведений в функцию-

⁴ Именно концепция Г. И. Мальцева признана в данной монографии наиболее приемлемой для анализа песен женской традиции [Мальцев 1989].

нально и содержательно единую группу, в составе которой в дальнейшем становится возможным выявление разностилевых пластов и, соответственно, проведение диахронных наблюдений.

В третьем разделе монографии исследуется музыкальный стиль песен. Эта часть, как и предыдущие, отмечена особым интересом автора к эволюции и преемственности песенных форм. Особенности музыкального языка северо-западных песен женской традиции в целом позволяют отнести их к раннему историко-стилевому слою. Важнейшей чертой песен И. В. Королькова вслед за другими исследователями признает узкообъемность их ладовой организации. Большинство напевов составлены попевами возгласно-кличевого типа (квартовой ладовой организации) (с. 80), что автор связывает с основной функциональностью песен — окликаньем, жалобой-обращением и связывает с влиянием жанров обрядового фольклора. Наряду с этим плачево-повествовательная основа песен с терцовой организацией лада проявляет себя в другой группе попевок, организующих напевы «девьей» лирики. Квинтовые лирические песни, также «обнаруживая связи с ранними формами, «тяготеют» к стилистике более позднего песенного слоя» (с. 185). Автор признает, что в целом «в песенных образцах происходит сложный процесс согласования и взаимодействия языковых элементов, имеющих различные интонационные истоки» (с. 137). Столь же сложные процессы она выявляет и в постепенном усложнении музыкального высказывания, в становлении распетых (протяжных) песенных форм, отличающихся специфической жанрово-характерной формой, нередко сочетающей различные признаки протяжного стиля пения: повторы, слогаобрывы, вставки-возгласы, внутрислоговые распевы, выделенный запевный раздел. Затрудняясь в силу цеховой ограниченности верифицировать собственно музыковедческие выводы автора в этой части, отмечу, что общая картина становления музыкального стиля песен женской традиции в интерпретации И. В. Корольковой выглядит обоснованной и стройной, логично увязанной с предыдущими разделами исследования.

Заключительный четвертый раздел исследовательской части книги посвящен анализу территориальной вариативности типовых закономерностей жанра в

системе культурных традиций Северо-Запада России. И. В. Корольковой в связи с ареальным изучением песен женской традиции проделана значительная работа по исторически, этнографически и географически обоснованному зонированию территории региона, выявлению основных песенных типов, характерных для каждой зоны, определению «жанрового фона», влияющего на характер видоизменения песенных традиций. Последнее оказывается крайне важным не только для определения фольклорных доминант, определяющих индивидуальные особенности локальной жанровой системы, но и для понимания границ самого жанра необрядовой лирики, его границ. Так, например, изучение местных традиций юго-западной части региона убедительно демонстрирует тесные взаимосвязи лирических песен и песен-баллад как в части функций и приуроченности, так и в предпочтении типов «сюжетного» повествования. Стилиевая общность музыкально-поэтических форм в той же зоне обнаруживает близость формульных напевов лирики и типового напева свадебного хорового причитания. В ряде традиций (как в Псковско-Печорской зоне или Селижаровском районе Верхневолжья) возможность сближения песенных форм обусловлена общностью их функций с обрядовыми и хороводными песнями, их параллельным бытованием в обрядовых комплексах. В четвертом разделе большое внимание уделено таким свойствам организации песенных систем, как предпочтение типологически родственных напевов, политекстовость (закрепленность нескольких поэтических тестов за одним напевом) и полифункциональность (бытование напева в разных обрядовых ситуациях). Эти признаки И. В. Королькова объединяет термином «формульность», полагая именно данный принцип «одним из ведущих законов организации песенных систем в условиях локальных традиций» (с. 183) и признавая его приоритет для песен раннего стилового пласта. Множество ценных наблюдений автора над причинами функциональной вариативности жанра необрядовых песен, их «поливалентности», в том числе базирующейся на универсальности содержательной стороны песен, буквально «рассеяны» на страницах книги и могут послужить ценным импульсом для дальнейших исследований.

Во второй части книги опубликованы 130 песен и их вариантов с напевами из пяти архивов, многие из них печатаются впервые, в том числе нотированные и расшифрованные лично Ингой Владимировной. Большинство текстов содержат ценный исполнительский комментарий и сопровождаются необходимыми сведениями о записи и хранении материала. Учитывая то, что в теоретической части работы предложены ссылки на эти тексты, читатель имеет возможность по желанию обращаться к приложению «за справкой». Видимо, в этом автор и редакторы и видели основную задачу приложения, хотя она имеет и самостоятельную ценность как компендиум песен местной традиции. Возможно, для этого публикации недостает принятого в академических изданиях исследовательского комментария с перечнем ранних публикаций вариантов песен, но это в определенной степени «перегрузило» бы издание. В Приложении также помещены 12 карт-схем, дающих представление о зонировании территории и распределении на ней основных песенных типов и некоторых стилизованных приемов. Стоит отметить, что для необрядовой лирики такой объемный опыт предпринимается впервые и представляет не только необходимые сведения о географии распространения песен, но и дает почву для размышлений о принципах системного картографирования столь многопланового песенного жанра, который впервые ярко и обстоятельно монографически репрезентирован в новой публикации ГРЦРФ.

Литература

- Кулева 2008 — Кулева С. Р. Неизвестная частушка. Вологда, 2008.
 Лобкова 2000 — Лобкова Г. В. Древности Псковской земли. СПб., 2000.
 Мальцев 1989 — Мальцев Г. И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Л., 1989.
 Мехнецов 1983—1984 — Устьянские песни / сост. А. М. Мехнецов, Ю. И. Марченко, Е. И. Мельник. Вып. 1. Л., 1983. Вып. 2. Л., 1984.
 Мехнецова 2009 — Мехнецова К. А. Литературные песни и баллады Духовщинского района Смоленской области (из фондов Фольклорно-этнографического центра Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова). Смоленск; СПб., 2009.

А. Б. МОРОЗ (Москва)

Рецензия на: Логинов К. К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. — 424 с.

Публикации К. К. Логинова вызывают неизменный интерес в кругу специалистов, занимающихся изучением традиционной культуры. Петрозаводский автор давно и крайне дотошно исследует культуру русского крестьянского населения Карелии и в особенности региона Водлозера. Предыдущая монография автора (Логинов К. К. Этнолокальная группа русских Водлозерья. М.: Наука) вышла в 2006 г. и приятно оживила ассортимент недавних этнографически-фольклористических изданий «Науки». Надо отдать должное К. К. Логинову: последняя книга — это не расширенное переиздание первой, как часто бывает, а совершенно новое издание, никак не пересекающееся с предыдущим.

Будучи одновременно с работой в Карельском научном центре РАН научным сотрудником Водлозерского национального парка, автор, что называется, сидит на материале. Это — наряду с удивительной хваткой этнографа-полевика — открывает К. К. Логинову те стороны фольклорной традиции, которые ускользают от внимания участников экспедиций, приезжающих (как это обычно бывает) в село на краткий период от нескольких дней до 3-4 недель. Книги Логинова содержат такой редкий материал. Это сведения, которые носители традиции открывают только хорошим знакомым, любимым гостям, а подчас лишь тем, кого они считают преемниками: определенную область традиционного знания — магическое *знание* — нельзя просто рассказать, можно лишь передать с наступлением старости более молодому, только кому-то одному.

Рецензируемая книга построена по вполне традиционной схеме, хорошо известной по другим изданиям, описывающим так называемый жизненный цикл: рождение — свадьба — похороны. Однако в большинстве случаев эта схема и ограничивается перечисленными тремя основными этапами. Здесь же они логич-